

Захар Прилепин

Захар Прилепин

ВСЁ, ЧТО ДОЛЖНО РАЗРЕШИТЬСЯ...

хроника идущей войны

Издательство АСТ
Москва
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)
П76

Иллюстрация на переплёте — *Виктор Бритвин*

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Прилепин, Захар.

П76 Всё, что должно разрешиться... : хроника идущей войны / Захар Прилепин. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 378, [6] с. — (Захар Прилепин: публицистика).

ISBN 978-5-17-098522-7

В этой книге Захар Прилепин выступает не как писатель — но как слушатель и летописец, военкор и поставщик гуманитарной помощи на Донбасс, активный пособник «сепаратистов» и помощник главы ДНР Александра Захарченко.

Перед вами — первая хроника войны на Донбассе.

Кто первым взял в руки оружие и откуда оно взялось. Как появился на Украине Моторола. Кто такой Захарченко и чего от него ждать. Как всё начиналось — и чем закончится.

Концентрированная и сухая правда о донбасской войне: многое из написанного тут вы не слышали никогда — и едва ли бы узнали, если б не эта книга.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-098522-7

© Захар Прилепин
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Рго Донбасс	9
Часть вторая. Час «Ч» Захара	167
Часть третья. Искупаться в Днепре	289

Эта книга про Донбасс и за Донбасс.
В этой книжке нет или почти нет меня: мой личный Донбасс останется за кадром.

Моя роль здесь — слушатель и наблюдатель.

Главные персонажи книги — люди, видевшие всё происходившее с начала и не покидавшие места действий.

Те, кто не просто пережил эту историю, но — сделал её сам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПРО ДОНБАСС

На Донбассе купола церквей — тёмные. Гораздо темнее, чем в большой России, здесь. Тёмное золото, будто бы замешенное с углём.

Едешь на машине по Донецкой народной республике — и видишь: то здесь, то там вспыхивает тёмный купол.

Очень много разрушенных православных храмов. Наверное, надо пояснить, что стреляют по ним с той стороны — артиллерия, миномёты или танки ВСУ*.

Порой храм стоит на открытом пространстве, его видно издалека, как единственный головастый цветок на поле.

— Это не случайное попадание, — говорит мне мой спутник. — Часто осмысленно били именно в храмы.

* Вооружённые силы Украины.

Если быть точным: только на территории Донецкой республики разрушено во время войны семьдесят православных храмов. Пусть кто-нибудь попытается доказать, что это случайное совпадение.

Мы выехали с утра в компании главы ДНР Александра Захарченко в кои-то веки не по делам боевым, а с мирной целью — вручить ключи от новых квартир жителям Дебальцево: там возвели 111 новых, очень симпатичных, домиков.

Неожиданно звонят на мобильный заместителю главы, с которым мы едем в его потрёпанной «Ниве».

Есть информация, что по дороге может быть покушение на главу.

Убить Захарченко — безусловная мечта для многих.

Информацию тут же передали главе и его начальнику охраны. Надо было отменять поездку.

Через три минуты от Захарченко передали: нет, едем. Просто сменим маршрут.

Маршрутов всегда закладывается несколько, каким именно поедет глава, не знает до последнего момента почти никто, или вообще никто — потому что за минуту до выезда сам Захарченко может принять новое решение.

В этот раз решение его — парадоксально.

Мы должны были ехать в Дебальцево, делая серьёзный крюк, — чтоб держаться подальше от передовой.

Но Захарченко то ли забавляется, то ли доверяет своему чутью: и мы летим по трассе, которая проходит ровно по передку.

— Вон дом видишь? — показывает мне зам главы. —
Там украинские снайпера сидят. А вон их позиции...
Вон в той зелёнке они тоже есть...

Но здесь нас, похоже, вообще не ждали.

На улице — солнечный декабрьский денёк, всё
кажется безоблачным и мирным.

Я смотрю на купола и вспоминаю, где уже видел
этот тёмный свет.

Захарченко не курит только под капельницей. Когда нас познакомили — он не курил. Раздетый по пояс, он лежал на диванчике, в комнате за своей приёмной. Рядом, за столом, сидели врач и медсестра, тихие и тактичные женщины.

Подкапывала какая-то животворящая жидкость, сразу из двух банок.

Разговаривая, Захарченко время от времени недовольно поглядывал на эти банки, ему казалось, что всё происходит слишком медленно.

Потом я заметил, что ему так кажется всегда: жизнь должна происходить быстро — нестись с такой скоростью, чтоб цветы и травы склонялись по пути.

Наконец, его отцепили от склянок, он быстро встал и начал одеваться в свою почти неизменную «горку», которая, ничего не поделаешь, идёт ему куда больше костюма и даже парадного кителя.

«Горка» была выстиранная, опрятная, но явно поношенная.

— Ты всю войну в ней прошёл? — спросил я. Прилюдно я буду обращаться к нему на «вы»; в неофициальной обстановке на «ты».

— А по ней видно. Я тебе сейчас покажу. Вот она, зашитая-перешитая, подряпаная, потёртая. Её от пота, и от крови стирали. Когда в меня пуля попала, мне распорили штанину; потом зашили. И в берцах в этих я тоже всю войну проходил. Вот заплатку на берцах поставили — наши мастера сапожники.

Последний раз Захарченко был ранен в ногу, пуля прошла над самой пяткой — он заметно прихрамывает.

«Надо же, — думаю, — оставил старые берцы».

Но про суеверия пока не спрашиваю; не очень понятно: ходить в прострелянных берцах — это суеверие, или, что ли, бравада, или ещё что-то; может, просто берцы жалко.

— Поменяешь форму?

— Конечно, одену новую.

— Когда войны не будет?

Захарченко вешает на ремень нож, он всегда с ножом, и, быстро подняв взгляд, секунду смотрит на меня:

— Войны не будет? Будет. Как начиналась Вторая мировая? Тоже с таких вот непонятных конфликтов: то Польша, то Чехословакия, то Финляндия, то ещё что-то. А тут мы, тут Сирия. Давайте смотреть правде в глаза. Мы сейчас врубимся по полной программе. Уже врубились. Исходя из опыта истории пройдёт два-